

ПРИНЯТО
В АДУ

БАЛАНС

АЛЕКСАНДР КОСОВСКИЙ

КУПИ МЕНЯ, ХРЕН
ПОНЯТНО ПОЧЕМУ
ОН ПРИШЕЛ СВЕСТИ СЧЕТА

Косовский Александр

Баланс

«Автор»

2026

Александр К. А.

Баланс / К. А. Александр — «Автор», 2026

Офисный планктон Антон просыпается в мире, где светит кровавая луна, стены дышат, а валютой служат зубы. Его новый начальник — Вербовщик, а кредитный договор подписывается кровью. Чтобы выжить и вернуть долг, Антону придется устроиться на работу в Гильдию Мясников... на конвейер по разделке разумных существ. Но бухгалтер — это не просто профессия. Это призвание. И если баланс этого мира не сойдется, Антон проведет самый дерзкий аудит в истории ада. Мрачно. Смешно. И очень цинично.

© Александр К. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение не в той луже	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Косовский Александр

Баланс

Глава 1. Пробуждение не в той луже

Ксерокс всхлипнул.

Антон как раз думал о том, что отчет по форме Б-26 — это изобретение садиста, страдающего хроническим запором, когда офисный агрегат издал звук, совершенно не предусмотренный технической документацией. Не треск зажеванной бумаги. Не жужжание перегретого блока питания. А влажный, утробный всхлип, какой издает прохудившийся бурдюк, если на него наступить.

Воздух в кабинете сгустился, запах разогретого тонера сменился запахом мясного отдела на рынке в июльскую жару. Антон поднял глаза от монитора. Крышка ксерокса приподнялась сама собой. Стекло экспонирования под ней запотело изнутри, покрылось сетью розоватых прожилок, а затем — повернулось, как диафрагма объектива, только состоящая из колец влажной, блестящей плоти.

— Какого... — начал Антон, но закончить не успел.

Кольца плоти сжались, ксерокс икнул, и пространство перед аппаратом лопнуло, как гнойник. В животе у Антона что-то оборвалось и ухнуло в пятки. Не страх. Скорее, ощущение, знакомое каждому, кто хоть раз падал в лифте с отказавшими тормозами: внутренности решили остаться на тринадцатом этаже, тогда как тело стремилось в подвал.

Воронка из света и слизи выплюнула его, как непереваренный кусок. Полет был коротким и омерзительным — его протащило сквозь кишку пространства, тугую, пульсирующую, облепленную чем-то, что пахло больничным спиртом и мокрой собачьей шерстью. А затем он рухнул лицом вниз.

Земля оказалась мягкой и теплой.

Она чавкнула, когда он в нее впечатался. Ладони ушли во что-то рыхлое, по консистенции — как перепревшие листья, смешанные с холодным фаршем. В нос ударил запах — гнилостный, как от забытого в холодильнике букета, с металлическим подтоном свернувшейся крови. Рот наполнился слюной — рвотный рефлекс сработал раньше, чем мозг успел опознать вонь как угрозу. Антон закашлялся, сплевывая темную жижу, и перевернулся на спину.

Свет был.

Но это был неправильный свет. Над головой нависало не черное небо, а нечто среднее между сводом гигантской пещеры и внутренней стороной легкого. Потолок мира слабо мерцал, подсвеченный голубовато-зеленой биолюминесценцией, как циферблат старых советских часов. Прямо по этому своду расползались толстые, с руку, вены, по которым с ленивым гулом перекатывались густки алого.

Луна висела в зените. Огромная, раздутая, цвета запекшейся крови, она застыла в фазе затмения, и черный диск в ее центре напоминал дыру, прожженную в гнилой простыне.

Антон сел, упершись рукой во что-то твердое. Повернул голову. Его ладонь лежала на ребристой, полуразложившейся грудной клетке, из которой торчали обрывки хрящей. Кость была влажной и холодила кожу даже сквозь слой прилипшей грязи.

Он отдернул руку. Вытер ее о штанину — жест, который за последующие дни он повторит столько раз, что протрет ткань до дыр. Огляделся.

Он сидел в груде биомусора. Насыпь из костей, обрывков плоти, хитиновых панцирей и какой-то волокнистой дряни уходила вниз, в черную воду, подернутую радужной маслянистой

пленкой. Вода лениво пульсировала, будто дышала. От нее поднимался пар, и в этом паре плясали крошечные точки света — споры или мошкара, Антон пока не понял.

— Б-26, — сказал он вслух. Голос прозвучал глухо, без эха, словно пространство впитывало звуки. — Я же его так и не доделал.

Это была его первая мысль. Не «где я?», не «что случилось?». А отчет по форме Б-26. Потому что осознание масштаба катастрофы всегда приходит через бытовую мелочь. Если он не сдаст отчет к пятнице, Михал Палыч будет орать. А Антон ненавидел, когда Михал Палыч орал, — у того в уголках рта скапливалась белая слюна, и это было омерзительно. Даже сейчас, сидя по пояс в разлагающихся останках непонятно чего, Антон испытал укол раздражения при мысли об этой слюне.

Он встал. Ноги держали плохо — колени подрагивали, а в бедрах поселилась противная ватная слабость. Брюки пропитались слизью насквозь. Рубашка, еще утром белая, теперь была покрыта пятнами, которые ни один «Ваниш» не возьмет. Галстук исчез. Антон машинально ощупал шею — галстука не было, верхняя пуговица рубашки оторвана с мясом, а на ключице краснела свежая ссадина.

— Портфель, — сказал он. — Где мой портфель?

Портфеля не было. В портфеле лежали бутерброд с колбасой, просроченный пропуск в спортзал (шесть месяцев не ходил, но хранил как индульгенцию) и пачка «Кента». Курить хотелось уже сейчас.

Он заставил себя дышать через рот. Запах стал слабее, но теперь к нему примешивался вкус — медный, кислый, как от лизнутой батарейки. Антон вытер губы тыльной стороной ладони и зашагал вверх по склону из мусора, стараясь не думать о том, что хлопает под подошвами его офисных туфель. Туфли были дорогие, итальянские, купленные на распродаже за полцены. Он их в кредит брал. Три месяца еще платить.

Склон кончился. Антон выбрался на относительно ровную площадку, покрытую чем-то вроде мха — только мох этот был серо-зеленым, жирным на вид и подрагивал, когда на него наступали, будто пытался уползти. Впереди чернели руины. Бетонные коробки с выбитыми окнами, оплетенные толстыми, как пожарные шланги, лианами. Лианы пульсировали. По ним пробегали волны перистальтики, как по пищеводу, глотающему добычу.

Где-то далеко, на самой границе слышимости, кто-то выл. Не выл, а именно пел — длинной, модулирующей нотой, которая то взлетала до визга, то падала в инфразвук, от которого зудели пломбы. Антон потрогал челюсть. Пломбы действительно зудели.

— Так, — сказал он, останавливаясь. — Давай по порядку.

Он был бухгалтером. Хорошим бухгалтером. Он умел систематизировать хаос — сводить дебет с кредитом, находить ошибки в первичке, превращать бардак из чеков и накладных в стройные колонки цифр. Сейчас перед ним был бардак иного масштаба, но принцип-то тот же.

Исходные данные: он больше не в офисе. Он в месте, где вместо солнца — кровавая луна, вместо асфальта — гниющий мох, а вместо кофемашины — грудные клетки в ассортименте. Как он сюда попал? Ксерокс. Ксерокс его съел. Это звучало как бред, но бред был единственной рабочей гипотезой.

Следующий вопрос: как отсюда выбраться? Антон оглядел руины, темную воду, пульсирующие лианы. Информации ноль. Нужен источник данных. Нужен местный житель. Или хотя бы указатель.

Он снова пошел вперед. Туфли скользили на мху, при каждом шаге раздавался тихий писк — мох реагировал на давление, сжимаясь и разжимаясь, как губка. Антон старался не смотреть под ноги. Он смотрел по сторонам, пытаясь зафиксировать любую деталь, которая могла бы сойти за признак цивилизации.

Цивилизация нашлась.

Из-за бетонной глыбы, поросшей фосфоресцирующими грибами (шляпки у них были прозрачные, а внутри копошились мелкие белые черви), выступила фигура.

Сначала Антон подумал — человек. Потом — очень больной человек. Потом — нет, не человек.

Существо было гуманоидным лишь отчасти. Две ноги, две руки, голова — все на месте, но пропорции нарушены, будто неопытный скульптор лепил человека по словесному описанию и сильно ошибся. Руки — длиннее, чем нужно, с лишним суставом в предплечьях. Ноги — вывернутые в коленях назад, как у кузнечика. Голова сидела на шее, напоминавшей гофрированный шланг, и могла поворачиваться почти на триста шестьдесят градусов. Лицо — если это можно было назвать лицом — представляло собой костяную маску с тремя вертикальными прорезями. В прорезях что-то двигалось. Что-то влажное и блестящее.

Одета тварь была в балахон из грубой, плохо выделанной кожи, сшитой сухожилиями. На поясе висел набор инструментов: крючья, колбы, моток проволоки, напоминавшей кишки, и прибор, похожий на помесь степлера с пистолетом.

— Стоять, — сказала тварь. Голос у нее был свистящий, с присвистом на шипящих, будто воздух выходил через дыру в трахее.

Антон встал. Не потому что испугался. А потому что существо преградило ему путь к пожарной лестнице — вернее, к тому, что от нее осталось. Ржавая металлическая конструкция вросла в стену ближайшего здания, и Антон еще минуту назад решил, что забраться повыше и осмотреться — отличная идея. А теперь эта ходячая ошибка эволюции стояла между ним и лестницей.

— Ты новичок, — констатировало существо. Оно не спрашивало. Оно утверждало. Его костяная маска не двигалась, но в прорезях что-то шевельнулось — Антону показалось, что это жвала. Мелкие, суетливые, как у жука-могильщика. — Свежий. Из Верхнего мира. Редкий товар.

— Антон, — представился Антон автоматически. — Бухгалтер.

— Мне насрать, — сказала существо. — Меня зовут Шептун. Я Вербовщик. И я предлагаю тебе контракт.

Шептун извлек из складок балахона планшет. Настоящий планшет, только его корпус был сделан из хитина, экран покрывала мутная органическая пленка, а по углам росли какие-то наросты, похожие на грибы-трутовики. Пленка замерцала, показывая текст. Буквы были русские, но шрифт плыл, а строки подергивались, как кардиограмма.

— Контракт на первичную адаптацию, — прошипел Шептун. — Стандартный. Подписывай.

— Я даже в «Эльдорадо» договоры без очков не читаю, — сказал Антон. — Дайте посмотреть.

Шептун замер. Жвала в прорезях маски замерли тоже. Кажется, такой реакции он не ожидал. Новички обычно либо орали, либо пытались бежать, либо впадали в кататонию. А этот — читать собрался.

Антон взял планшет. Органический экран был теплым и влажным на ощупь, как язык большой собаки. Он пробежался глазами по строкам.

— Так, — сказал он. — «Пункт 1.1: Вербовщик обязуется предоставить Новичку базовый комплект выживания, включающий: нож (1 шт.), светильник на гнилушечной тяге (1 шт.), карту Гнилого Квартала (фрагмент, не гарантируется точность)...» Не гарантируется точность? А какой смысл в карте, если она врет?

— Карта показывает общую топологию, — прошипел Шептун. — Улицы меняются. Плоть города растет.

— «Пункт 1.2: Вербовщик обязуется обеспечить Новичку доступ на Рынок Спящих (пропуск временный, 72 часа)...» Всего три дня? А продление?

— Продление — за дополнительную Биомассу. Читай дальше.

Антон читал. Чем дальше он углублялся в текст, тем сильнее хмурился.

— «Пункт 2.1: Новичок обязуется выплатить Вербовщику сумму в размере 500 (пятисот) единиц Биомассы в течение 30 (тридцати) циклов. В случае просрочки начисляется пеня в размере 10% за каждый цикл...» Десять процентов? Это же грабеж! Триста процентов годовых! У нас в Сбербанке за такие проценты коллекторов натравливают!

— Здесь нет Сбербанки, — заметил Шептун. — Здесь есть я.

— «Пункт 2.3: В случае невозможности выплаты долга Новичок переходит в собственность Вербовщика в качестве биологического актива». Это что, рабство?

— Это бизнес.

Антон потер переносицу. Голова начинала болеть — не от страха, а от знакомого чувства бессилия перед идиотскими условиями договора. Такое же чувство он испытывал, когда читал кредитный договор на ипотеку. То же самое: грабительские проценты, кабальные условия, единственный выход — продать почку.

— Что такое Биомасса? — спросил он. — Единица измерения.

Шептун запустил руку (или то, что заменяло ему руку) в поясную сумку. Извлек прозрачную колбу, в которой плавал зуб. Обычный человеческий зуб, коренной, с остатками запломбированного канала.

— Один зуб — одна единица, — сказал он. — Нерв — пять единиц. Палец — двадцать. Литр крови — пятьдесят. Полная переработка взрослой особи — тысяча. Цены рыночные, колеблются в зависимости от сезона и спроса.

— А анализ крови можно сдать? Ну, как в поликлинике? Из пальца. Я не хочу сразу палец.

Шептун снова замер. Такой реакции он, кажется, не ожидал тем более.

— Ты торгуешься? — спросил он наконец.

— А что, нельзя?

— Можно. Просто... — Шептун склонил голову набок, разглядывая Антона. Шея-шланг издала звук спускаемого воздуха. — Обычно новички кричат. Или пытаются меня ударить. Или мочатся в штаны. Ты — торгуешься.

— Я бухгалтер, — повторил Антон, как будто это все объясняло. — Так что насчет анализа крови? У меня глюкоза, может, повышенная. Или холестерин. Вдруг моя Биомасса — бракованная? Я же не могу продавать некачественный товар. Меня же потом оштрафуют.

Жвала за маской зашевелились быстрее. Антон понял, что Шептун смеется. Беззвучно, одними жвалами.

— Ты забавный, — сказал Вербовщик. — Такие долго не живут. Но платят исправно, пока живы.

— Это угроза?

— Это статистика. — Шептун ткнул пальцем (палец был длинным, с лишней фалангой и когтем, покрытым лаком из засохшей крови) в экран планшета. — Подписывай. Или я уйду, а ты остаешься здесь. Без ножа. Без карты. Без света. Светлячки вылупляются через три цикла. Ты им понравишься.

Антон вздохнул. Выхода не было. Как всегда, выхода не было — выбирай из двух зол меньшее, и молись, чтобы коллекторы не ободрали тебя раньше времени.

— Ручка есть? — спросил он.

— Подпись кровью. — Шептун указал на угол планшета, где из хитиновой рамки выдвинулось острие, похожее на иглу шприца. — Палец давай. Указательный. Правый.

— Лучше левый. Я правша.

Он прижал подушечку левого указательного пальца к игле. Укол был резким, болезненным, но терпимым — как в процедурном кабинете, когда медсестра попадает не в вену, а в

сухожилие. Кровь выступила темной каплей, и планшет втянул ее в себя с тихим, довольным чавканьем. Экран мигнул, выдавая сообщение:

«КОНТРАКТ АКТИВИРОВАН. ДОЛГ: 500 ЕД. БИОМАССЫ. СРОК: 30 ЦИКЛОВ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВЕЧНУЮ НОЧЬ, АНТОН-БУХГАЛТЕР».

— Там опечатка, — сказал Антон. — Я Антон, а не Антон-бухгалтер. Это должность.

— Это твое имя теперь, — прошипел Шептун. — Имя и функция. Привыкай.

Он вложил в руку Антона холщовый мешок — базовый комплект. Нож с костяной ручкой (лезвие ржавое, но острое — Антон проверил пальцем и тут же об этом пожалел), стеклянную банку с комком гнилушек, испускавших слабый зеленоватый свет, и свернутый в трубку лист. Не бумагу — выделанную кожу, на которой пульсировали синие линии топологии. Карта.

— Первый взнос — через три цикла, — сказал Шептун, пятясь во тьму. Его фигура таяла, сливаясь с тенями, и только костяная маска еще белела некоторое время, пока не погасла совсем. — Не опаздывай, Антон-Бухгалтер. Я не люблю должников. У меня аллергия.

— На что? — спросил Антон в пустоту.

— На должников, — донеслось из темноты, и вслед за этим раздался звук, похожий на кашель чахоточного, — видимо, так Шептун смеялся.

Антон остался один. В руке — нож, в банке — гнилушки, в голове — долг в пятьсот единиц. И ни одной сигареты.

Он сел на обломок бетона, положил мешок на колени и задумался. Не о судьбе. Не о том, как он сюда попал. А о том, что проценты по кредиту на туфли были двенадцать процентов годовых. А здесь — триста.

Вот уж действительно — из огня да в полымя.

Вдалеке снова завывли. Ближе. Антон поднял голову и посмотрел на руины торгового центра, смутно знакомые по очертаниям — кажется, это был тот самый ТЦ, куда он ездил за туфлями. Только теперь из его окон росло что-то мясистое, шевелящееся, подсвеченное изнутри алым.

Часы на руке — простые, «Касио», купленные за три тысячи в «Ашане», — еще работали. Циферблат показывал 14:37. Среда. Через два часа совещание у Михал Палыча. Антон машинально нажал кнопку будильника. Будильник не сработал.

— Ну да, — пробормотал он. — Роуминг.

И зашагал к торговому центру. Потому что где еще искать работу, если не в ТЦ? Логика старого мира: если тебе нужно выжить, найди точку опоры. Точкой опоры может быть что угодно — даже заброшенный «Спортмастер» с грибами вместо манекенов.

Где-то в недрах бетонной коробки зашуршало. Свет гнилушек в банке дрогнул, пошел рябью, и Антон впервые за этот день испытал не раздражение, а что-то иное. Смутное, липкое, как холодный пот между лопаток. Он подавил это чувство, затолкал его поглубже — туда же, куда заталкивал мысли о невыплаченном кредите и прыщах на лбу у Михал Палыча.

— Работа, — сказал он вслух, сжимая нож. — Мне просто нужна работа. И курево.

И шагнул внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.